

²⁸ Возможность социалистического развития русской общины при условии помощи пролетариата Запада не отрицали и основоположники марксизма. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 545–546; Т. 19. С. 401.

²⁹ См.: *Итоги экономического исследования России по данным земской статистики.* М., 1892. Т. I. С. 137–138.

³⁰ *Стефанович Я.* Указ. соч. С. 35.

³¹ См.: *Данилов В. П.* Община у народов СССР в послеоктябрьский период // *Народы Азии и Африки.* 1973. № 3. С. 46; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). М., 2000. Т. 1. С. 450, 527.

³² Подробнее см.: *Кабылов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г.* Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 35.

³³ См.: *Миронов Б. Н.* Семья: Нужно ли оглядываться в прошлое? // *В человеческом измерении.* М., 1989. С. 236–237.

Л. В. Лаенко

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА ЗРИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА

Познавательная деятельность глубочайшим образом связана с существованием и функционированием особого социально-культурного мира предметов — посредников, обладающих определенными визуальными характеристиками. Но для каждого очевиден факт существования субъективного мира его собственного сознания, являющегося неотъемлемой принадлежностью субъекта и отличного не только от мира реальных объектов, но и от внешних предметных, объективно выраженных действий субъекта. Л. С. Выготский высказал идею, которая затем легла в основу многочисленных теоретических и практических разработок А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, П. Я. Гальперина, А. В. Запорожца, В. В. Давыдова, В. П. Зинченко и др. о том, что внутренние психические процессы возникают как следствие “интериоризации”, т. е. “вращивания”, перехода во внутренний план тех действий субъекта, которые первоначально осуществляются во внешней форме и направлены на внешние предметы. Совершаясь во внешней форме, деятельность предполагает сотрудничество, кооперацию с другими людьми и использование общественно-исторически сформированных средств и способов, закрепленных в виде системы предметов-посредников. В процессе интериоризации внешние действия подвергаются специфической

трансформации — обобщаются, вербализуются, сокращаются и вместе с тем становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности. "Другими словами, высшие специфические человеческие психологические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, т.е. интрапсихологически, и лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно; при этом некоторые из них утрачивают далее свою исходную внешнюю форму, превращаясь в процессы интерпсихологические... Сознание не дано изначально и не порождается природой: сознание порождается обществом, оно производится"¹.

Таким образом, человек смотрит на мир "глазами общества". Субъективный мир сознания выступает для индивида как поток сменяющих друг друга наглядных образов, представлений. Наглядный образ как элемент субъективного потока сознания всегда предметно осмыслен, и эта осмысленность возникает при формировании самих процессов сознания, т.е. в ходе интериоризации внешней деятельности с миром общественно созданных предметов, воплощающих социально-исторический опыт. В различных социально-культурных условиях, в контексте разной общественной практики, предметные смыслы, воплотившиеся во внешней предметной деятельности, в культуре, обладают определенными визуальными особенностями и характеристиками и, значит, в субъективном мире сознания будут несколько отличными, ибо их содержание определяется не только миром реальных объектов, но и степенью их освоенности исторически развивающейся общественной практикой. Это значит, что в таких условиях и субъективно переживаемые миры сознания, образы мира, их визуальные характеристики могут отличаться друг от друга в переживании времени, в осознании характера смены состояния сознания и их взаимных отношений и т.д.

Например, формы восприятия европейца с первых же дней его жизни активно организуются геометрически "правильными" формами "цивилизованной", "очеловеченной" природы — архитектурой, улицами, стенами комнат, предметами быта и потребления, звуками машин и сирен и т.д., а форма восприятия и воображения бушмена — дикой природой джунглей, дивными растениями, переплетениями лиан и ветвей, шепотом и шорохом животного мира. Их восприятие наполнено различными визуальными образами, и поэтому смыслы значений и построенный образ мира также отличны.

Принципиальные смысловые связи сознания, в частности

система предметных смыслов, при всем различии их индивидуального наполнения обладают общезначимым характером. Таким образом, социально-культурная опосредованность имеет место и в процессе формирования уникальных особенностей данного субъекта, и в ходе усвоения всеобщих смысловых структур, лежащих в основе как познавательной, так и других специфически человеческих видов деятельности. Только в первом случае речь идет о преломлении всеобщих норм и эталонов при осуществлении деятельности в конкретных неповторимых условиях, во втором — о присвоении индивидом самих этих норм. А. Н. Леонтьев, вслед за К. Марксом, называл это "присвоением человеческого опыта".

В исходном пункте процесса формирования сознания три вида деятельности выступают как связанные воедино: внешняя практическая деятельность, процесс познания и коммуникация. В ходе осуществления одного и того же предметного действия субъект одновременно выполняет ряд функций: изменяет форму внешнего предмета, совершает акт познавательной ориентировки и усваивает общественно сформированные способы практической и познавательной деятельности, воплощенные в том предмете, который он использует в качестве посредника. Следует при этом заметить, что акт коммуникации, передачи сообщения от одного субъекта к другому надо понимать не просто как усвоение субъектом общественного опыта, опредмеченного в данном предмете, а как совершаемый собственными силами акт распределения "свернутых" способов деятельности, процесс раскодирования "посланных предками" сообщений. В действительности само усвоение адекватных способов деятельности с социально функционирующим предметом возможно лишь при условии включения субъекта в живую коммуникативную связь с другими людьми, которые обучают его человеческим методам использования созданных человеком вещей и тем самым формируют у него культурные установки и нормы, визуальную гармонию бытия, включая эталоны познавательной деятельности, и постепенно тело культуры заполняет весь внутренний мир человека. Отношение к предмету деятельности и познания здесь явным, зримым образом опосредовано отношением к другому человеку.

Важен и тот факт, что у людей нет таких развитых, самостоятельных средств общения, которые апеллировали бы к обонянию, вкусовым или тактильным ощущениям. У ослепших и оглохших людей не будет возможности общаться друг с другом, а внешний мир, не сообщающий о себе, не дающий о себе

знать, — это уже не внешний мир. Чувствование кожей, запахи и вкусовые ощущения для человека перестают быть ощущениями внешних предметов, без поддержки визуальных и слуховых впечатлений, в абсолютной темноте и тишине (хотя, это только для зрячего и слышащего, знающего свет и звуки, для слепоглухих нет ни темноты, ни тишины) ни запах, ни твердость предмета не соотносятся с ним как существующим вне и помимо самого ощущения.

А. И. Мещеряков, продолживший труд И. А. Соколянского по воспитанию и адаптации слепоглухих детей и получивший поразительные результаты, старался так организовать их общение и деятельность, что общественно значимые предметы оказывались посредниками каждого движения человека, устремленного к совместному с другими людьми действию с жизненно важными объектами. Живой организм человека находит внешний предмет и действием своих органов фиксирует вне себя его свойства, как бы повторяя, воспроизводя их своими движениями, только потому, что его вовлекли в общение, способ которого разделяет с предметами и сам этот предмет. Следствием этого эксперимента явилось доказательство того, что психический образ есть не "след" внешнего воздействия, кем-то находящийся в мозгу, а целостный образ действия (внешнего, предметного действия) с объектом восприятия, "разлагаемый" благодаря общественно значимым посредникам общения на действие как таковое (мое действие) и на воспринимаемый предмет этого действия (внешний предмет, его воспринимаемый образ). Только в данном случае понятно, кто воспринимает, переживает образ предмета. Это тот, кто отделяет свое действие с ним от него как такового и воспринимает предмет как то, что под рукой, что вне меня, как образ внешнего предмета, а не как состояние своих собственных нервов. Вне человеческого предметного общения, а тем самым вне включенности человека в реальное время истории развития форм общения невозможны самые элементарные акты психического отражения, свойственные человеку. Ведь обращение к себе с помощью общественно значимых средств общения — это и есть "втягивание" всеобщности, в них заключенной, есть измерение и оценка этого мгновения вечностью.

Образ мира слепоглухого не другой, чем образ мира зрячеслышащего, а создан из другого строительного материала, из материала других модальностей, соткан из другой чувственной ткани, поэтому и сохраняет свою симультанность.

Ф. Е. Василюк убедительно показал невозможность понима-

ния потребностно-мотивационной сферы человека в рамках "онтологии изолированного индивида", когда "и субъект, и объект мыслятся изначально существующими и определенными до и вне какой бы то ни было практической связи между ними", а "пространство... пустое и бессодержательное, только отъединяет их друг от друга"².

Но что же их объединяет? Б. Д. Эльконин выдвинул на первый план посредничество зрительного образа, как деятельного, коммуникативного, диалогичного, духопроводного способа формообразования. Это не только введение идеальной формы, но и вочеловечивание различных форм опосредования, вочеловечивание медиаторов, превращение их в подлинно "духовное оборудование", введение человека в "духовную мастерскую" человечества³.

Зрительный образ в социуме обладает функциями открытия мира, который предполагает снятие некоего занавеса, не позволяющего за суетой увидеть этот мир, и появляется лицо иного мира, наполненного личностным содержанием и личностным отношением.

Достигая этой функции, зрительный образ начинает нечто значить, т.е. выступать в качестве знака. Образ в качестве посредника связывает и представляет одно через иное. Он обозначает его назначение, функция имеет статусные, ролевые или иные заданные формы. Но для человека значить — это быть, представлять свою позицию и, говоря словами М. М. Бахтина, чувствовать "укорененность в бытии", поэтому жизнь зрительного образа есть со-бытие, которое становится основанием для развития культуры.

Как считает М. М. Бахтин, вся наша жизнь есть некий сложный поступок, каждый отдельный акт восприятия может быть рассмотрен как поступок. Это, по мнению автора, наиболее ярко проявляется при эстетическом восприятии: "между субъектом и его жизнью — предметом эстетического видения и субъектом — носителем акта этого видения такая же принципиальная несообщаемость, как и в теоретическом познании. Поэтому эстетическое восприятие также схватывает лишь часть бытия". М. М. Бахтин считает, что "понять предмет — значит понять мое должествование по отношению к нему (мою должную установку), понять его в отношении ко мне в единственном бытии — событии, что предполагает не отвлечения от себя, а мою ответственную участность"⁴. По его мнению, визуальный образ, как и язык, и поступок, событияен в том смысле, что неразрывно связан с бытием человека в мире, социальное бытие невозможно без визуального образа. "Сознание, — пишет

М. М. Бахтин, — складывается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива. Индивидуальное сознание питается знаками, вырастает из них, отражает в себе их логику и их закономерность. Сознание может приютиться только в образе, в слове, в значащем жесте и т.п. Вне этого остается голый физиологический акт, не освещенный сознанием, т.е. не освещенный, не истолкованный знаками. Знак может возникнуть лишь на индивидуальной территории, причем эта территория не "природная" в непосредственном смысле этого слова... Необходимо, чтобы два индивида были социально организованы... И лишь после этого образ может стать "знаковым материалом внутренней жизни — сознания"⁵.

Человечество строит образ мира с помощью всего четырех медиаторов (знак, слово, символ, миф), и независимо от субъективности-объективности в действии в образе всегда присутствуют неотделимые друг от друга пространство и время. Движение во времени, отделенное от движения в пространстве, не становится событием. Для того, чтобы оно стало таковым, необходима прерывность движения, процесса, деятельности, но необходимо, чтобы процесс при завершении становился актом, образом с помощью того или иного медиатора, обладающего не только смысловыми, энергетическими, но и пространственно-временными свойствами. И то, что мы называем, например, упадком в истории культуры, есть не что иное, как поиск нового деятельного, визуального выражения времени. Когда он найден, формируется новый стиль — как реальная форма культуры, реальное эстетическое бытие ее философских смыслов.

Но не только предметный мир с его явными визуальными особенностями формирует сознание человека, но и каждая крупная историческая эпоха вырабатывает и закрепляет идеологически, нравственно, психологически то или иное общее представление о человеке как общественном существе. Это представление о человеке — не только идеологический феномен, отражающий определенную социальную ступень жизнедеятельности индивида, а и визуальный эталон "положенного" поведения и внешних характеристик человека. Изменение социальных связей и устоев жизни вызывает в конечном счете не только формирование иного типа человека, присущего тому или иному этапу исторического развития, это изменение порождает необходимость в формировании нового представления о человеке, его нового образа. Человек заново — в каждой исторической эпохе — осо-

знает самого себя, происходит сложный оценочно-императивный процесс: меняется процесс познания, в котором и познание, и самовыражение слиты воедино. И человек формирует "образ добропорядочного фабриканта" или "законопослушного гражданина", "образ города", "образ семьи", "образы искусства" и в конечном счете — образ мира. Рождающиеся образы могут выполнять двоякую функцию. Направленные вовне, они регулируют поведение и продуктивную, творческую деятельность. Направленные внутрь, на субъекта, они меняют его самого.

Таким образом, исторически развивающаяся предметная деятельность и есть лоно, в котором формируется мыслящий, сознающий и себя, и весь мир человек. Дабы человек вообще мог что-либо увидеть, это "что-либо" должно своими видимыми качествами говорить с ним на визуальном, всепонятном языке. Это язык культурного канона, тип визуальной красоты и гармонии, стиль искусств. Иначе глаз человека лишится опоры, уйдет в себя, либо станет взглядом животного, удовлетворяющего только физиологические потребности. Без способности определять каждый отдельный предмет общественным способом, т.е. определять его как всеобщее, человек просто не является человеком и не может ни мыслить, ни быть. Поэтому *видеть* — это уже *мыслить*, т.е. относиться ко всем отдельным предметам созерцания и деятельности как к общезначимым и оперировать общественными средствами общения и деятельности, которые что-то значат для других, а тем самым и для каждого индивида в отдельности. Иначе говоря, *визуально мыслить* — значит постоянно организовывать и контролировать свою жизнедеятельность, свое бытие с помощью визуально-исторических средств общения, в самой общественной форме которых раскрыты и закреплены объективные свойства природы и общественных отношений. Быть человеком определенного социокультурного общества — значит в процессе совместной орудийной деятельности превращать объективные силы природы в способы своей жизнедеятельности, определенные этой культурой, а тем самым и в общезначимое содержание мышления.

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 97–98.

² Васильев Ф. Е. Психология переживания. М., 1984. С. 83.

³ См.: Эльконин Б. Д. Психология развития. М., 1995. С. 9.

⁴ Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 95.

⁵ Там же. С. 16.